

Научная статья
УДК 343

ПРИНЦИПЫ КАК НРАВСТВЕННАЯ ОСНОВА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Победкин Александр Викторович¹, Яшин Василий Николаевич²

¹Академия управления МВД России, Москва, Россия

²Тульский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Тула, Россия

¹apobedkin71@mail.ru

²6021111@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу действующей системы и содержания основополагающих начал (принципов) отечественного уголовного судопроизводства с учётом сложившейся современной геополитической обстановки и недостатков уголовно-процессуального законодательства. Обращается внимание на то, что правоприменитель стал расценивать принципы уголовного судопроизводства как обычные регулятивные нормы. Указывается на декларативный характер содержания отдельных принципов и отсутствие в законе гарантий их соблюдения. Затрагиваются проблемы, относящиеся к понятию, происхождению, системе принципов, а также к различным аспектам их реализации. Авторы предлагают существенно скорректировать систему, а главное содержание отдельных принципов уголовного судопроизводства, переориентировав их на концептуальные духовно-нравственные ценности, а также предусмотреть дополнительные гарантии их стабильности и реального влияния на законотворческий и правоприменительный процессы.

Ключевые слова: принципы уголовного судопроизводства, уголовный процесс, духовно-нравственные ценности, нравственные основы, справедливость, истина, основополагающие начала, назначение уголовного процесса.

Для цитирования: Победкин А. В., Яшин В. Н. Принципы как нравственная основа уголовно-процессуальной деятельности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 260–269.

PRINCIPLES AS THE MORAL BASIS OF CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITY

Alexander V. Pobedkin¹, Vasily N. Yashin²

¹Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

²Tula Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Tula, Russia

apobedkin71@mail.ru

6021111@inbox.ru

Annotation. The article is devoted to the analysis of the current system and the maintenance of the fundamental principles of domestic criminal justice, taking into account the current geopolitical situation and the shortcomings of criminal procedure legislation. Attention is drawn to the fact that the law enforcement officer began to regard the principles

of criminal proceedings as ordinary regulatory norms. It is pointed out that the content of certain principles is declarative and that the law does not guarantee their observance. The problems related to the concept, origin, system of principles, as well as various aspects of their implementation are touched upon. The authors propose to significantly adjust the system and, most importantly, the content of individual principles of criminal justice, reorienting them to conceptual spiritual and moral values, as well as to provide additional guarantees for their stability and real influence on legislative and law enforcement processes.

Keywords: principles of criminal justice, criminal procedure, spiritual and moral values, moral foundations, justice, truth, fundamental principles, purpose of the criminal process.

For citation: Pobedkin A. V., Yashin V. N. Principles as the Moral Basis of criminal Procedural activity // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 260–269.

Принципы права, равно как и правоприменительной деятельности, – достижение отечественной правовой культуры. Именно они в обобщённом виде аккумулируют суть нравственных (да и не только нравственных) основ, на которых строится уголовно-процессуальная деятельность [1, с. 10–148]. Основной смысл уголовно-процессуального права не должен быть скрыт и недоступен правоприменителю. Как минимум его уяснение необходимо для правильного понимания норм права, их толкования, применения аналогии. Возможность применения аналогии права (общих начал и смысла законодательства) прямо предусмотрена как в гражданском, так и в арбитражном процессе (п. 2 ст. 6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹, п. 6 ст. 13 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации²). В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК) прямое указание на возможность применения аналогии (в том числе права) отсутствует [2, с. 69], тем не менее она, несомненно, допустима, что неоднократно подчёркивал и Конституционный Суд Российской Федерации³.

Между тем принципы уголовного судопроизводства, будучи продуктом законотворческой деятельности, и сами в какой-то мере определяют направления законотворческой работы по совершенствованию уголовно-процессуального закона. Заложив в УПК определённый «дух», законодатель обязан поддерживать его, укреплять, развивать, совершенствовать, в том числе если жизнь требует внесения в текст закона многочисленных изменений и дополнений. Конечно, желательно, чтобы идеи, на которых строится УПК, были прозрачными и просматривались относительно легко. В самом деле не все ключевые идеи, наверное, можно сформулировать и закрепить в тексте УПК в виде формулировок. Вместе с тем сделать это весьма желательно. В этой связи следует воздать должное законодателю, который развил и дореволюционное, и советское законодательство (где принципы формулировались лишь на уровне теории) и включил в УПК самостоятельную главу 2 «Принципы уголовного судопроизводства». Положительный опыт не остался незамеченным и на постсоветском пространстве. Так, например, глава о задачах и принципах уголовного процесса содержится уголовно-

¹Гражданский процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²Арбитражный процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³По делу о проверке конституционности пункта 5 ч. 2 ст. 371, ч. 3 ст. 374 и пункта 4 ч. 2 ст. 384 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан К. М. Кульнева, В. С. Лалуева, Ю. В. Лукашова и И. П. Серебрянникова [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 2 февраля 1996 г. № 4-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 7, ст. 701.

процессуальном законодательстве Республики Беларусь¹, Республики Казахстан², Республики Армения³. Есть такие положения в и уголовно-процессуальном законодательстве Латвийской⁴ и Эстонской Республик⁵ (в УПК Эстонской Республики самостоятельная глава не выделена, а принципиальные положения содержатся в разделе I «Общие положения»).

Опыт и впрямь положительный. Однако основная его суть стала затираться и законодателем, и правоприменителем, в результате чего принципы в уголовном процессе России расцениваются как обычные регулятивные нормы (чему есть юридико-технические основания), да к тому же не вполне удачно расположенные, находящиеся не в связи с основным предметом регулирования. Регулятивные нормы не несут в себе должного идейного заряда, не рассматриваются ни законодателем, ни правоприменителем как средоточие духа закона, тем самым не сдерживают законодателя в его поточной деятельности по внесению в УПК изменений, а правоприменителя не ориентируют на правильное применение процессуальной аналогии (анalogии права). Мало того, неразличимые идеи, даже имевшиеся в виду на момент принятия нормативного акта, утрачивают смысл, не работают и постепенно заменяются другими, в том числе и противоположными. Законодатель сам теряет ориентир. Закон становится эклектичным, безыдейным, применяется беспорядочно, практика утрачивает даже минимальное единообразие. Обобщая укажем, что право не выполняет в таком случае функцию эффективного регулятора общественных отношений.

С УПК и случилась эта беда, тем более досадная, что законодатель сохранил апробированный советскими уголовно-процессуальными кодексами и доказавший свою состоятельность подход и не отказался от практики указания в законе норм общего характера – норм-принципов. Мало того, впервые принципам уголовного судопроизводства посвящена целая глава УПК. Формально продуктивное решение. Вопрос о соотношении принципов уголовного судопроизводства, его целей, задач, назначения имеет давнюю историю. Традиционный взгляд на принципы состоит в том, что они характеризуют собственно уголовно-процессуальную деятельность [3, с. 26]. Иначе говоря, определяют основные сущностные характеристики самой деятельности, и такое их понимание исключает включение в их систему задач, целей назначения уголовного судопроизводства. Заметим, что неудачное расположение ст. 6 УПК в его главу 2 даёт некоторым специалистам основание полагать, что назначение уголовного процесса не что иное, как принцип [4, с. 10–148]. Конечно, если подходить к принципу шире, то любую идею принципиального характера можно считать принципом судопроизводства [5, с. 35]. В самом деле, разве не принципиальны для уголовного процесса его задачи и цели, его функция (которую автор и называет назначением)? Конечно, принципиальны. В то же время науковедческий подход требует термина, который бы обозначал важнейшие характеристики деятельности, которая

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: от 16 июня 1999 г. № 295-З. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 21.03.2025).

² Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс]: от 14 июля 2000 г. № 907-IQ. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280 (дата обращения: 19.03.2025).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения [Электронный ресурс]: от 27 июля 2021 г. № ЗР-306. URL: https://base2.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=143021 (дата обращения: 21.03.2025).

⁴ Уголовно-процессуальный закон Латвийской Республики [Электронный ресурс]: от 21 апреля 2005 г. URL: <https://likumi.lv/doc.php?mode=DOC&id=107820> (дата обращения: 20.03.2025).

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики // Государственный Вестник: Сводные тексты переводов эстонского законодательства на английский язык [Электронный ресурс]: от 12 февраля 2003 г. RT I 2003, 27, 166. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/13311874?leiaKehtiv> (дата обращения: 20.03.2025).

осуществляется посредством реализации функции для решения определённых задач и достижения целей. Это и есть принципы уголовного судопроизводства.

В системе современных принципов отечественного уголовного судопроизводства на первый взгляд и не увидишь активную роль Американской ассоциацией юристов, игравших активную роль на заключительных этапах работы над УПК, которая рядом видных учёных отрицается [6, с. 84–93], принятие УПК на волне либерализма и признаётся. При этом в тексте закона вроде бы выдерживается и традиционное отношение к формулированию принципов в отечественном уголовном судопроизводстве. Разве только некоторые исчезли (всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств уголовного дела), другие нашли место в системе общих условий судебного разбирательства, третьи (состязательность) не вполне к месту стали считаться идеей, определяющей всё уголовное судопроизводство, четвёртые – не многим отличаются от конституционных положений. Трафаретный подход наблюдаем и в вышеприведённых кодексах стран на постсоветском пространстве. Право слово, есть ли повод для беспокойства? Принципы вполне традиционны, отечественного генезиса. Их и западное-то влияние коснулось в меньшей степени.

Всё же повод для беспокойства есть.

Во-первых, законодатель утратил уважение к им же сформулированным принципам. Ряд из них сегодня никак не определяет содержание уголовно-процессуальных институтов. В их числе – принципы законности, презумпции невиновности, свободы оценки доказательств, которые системой норм УПК не раскрываются, а некоторыми нормами прямо опровергаются. Например, производство дознания в сокращённой форме, как прямо написали Баев М. О. и Баев О. Я., означает ликвидацию всех принципов уголовного судопроизводства и доказывания по уголовному делу [7, с. 42].

Во-вторых, большинство принципов не является принципами концептуального характера, то есть не достигает уровня идей. Они не что иное, как набор рядовых регулятивных уголовно-процессуальных норм или субъективных прав и обязанностей участников судопроизводства (разумный срок уголовного судопроизводства, охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, неприкосновенность личности, неприкосновенность жилища, обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту).

В-третьих, отдельные принципы судопроизводства никак не удаётся встроить в смешанную форму уголовного процесса России (например, состязательность сторон). Попытки исчерпать содержание принципа несколькими частными положениями конкретной статьи УПК, как это сделано сейчас, больше вредны, чем бесполезны. Они дают почву для узкой трактовки идеи, объявленной как принцип. Принцип же, согласно исследованиям Томина В. А., «должен быть принципиальным» [8, с. 29]. Например, принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту, очевидно, не исчерпывается содержанием ч.ч. 2–4 ст. 16, а охраны прав и свобод человека и гражданина положениями ч.ч. 2–4 ст. 11 УПК. Как верно указывает Безруков С. С., принципы не рассчитаны на непосредственную регламентацию правоотношений [9, с. 14]. При этом заметим, что Безруков С. С. прав, если речь не идёт о применении аналогии на основе принципов уголовного судопроизводства, где правоприменитель вынужден, используя данный принцип, формулировать норму, на основании которой и разрешать спорную ситуацию.

Что же до ст. 6¹ УПК о разумном сроке уголовного судопроизводства, то она последовательно расширяется, поскольку «неожиданно» выясняется, что порядок исчисления разумного срока нужно определять для каждого этапа судопроизводства.

Принцип осуществления правосудия только судом в формулировке законодателя (ст. 8 УПК) почему-то не содержит правил для досудебного производства, хотя правосудие осуществляется и на этих стадиях (п. 50 ст. 5 УПК). Принцип независимости судей (ст. 8¹ УПК) не содержит главного: недопустимость вмешательства в деятельность судьи руководителей судов, поскольку запрет оказывать незаконное влияние на судью для государственных органов и должностных лиц, не имеющих отношения к производству по уголовному делу, очевиден и не требует подтверждения на уровне принципа. Вряд ли можно считать принципами уголовного судопроизводства конституционные права и свободы человека и гражданина, хотя бы и конкретизированные некоторыми обязанностями должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу (ст. 10 УПК – неприкосновенность личности, ст. 12 УПК – неприкосновенность жилища, ст. 13 УПК – тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений).

Положения Конституции Российской Федерации определяют содержание любых отраслей российского права, действуя при этом и непосредственно, однако они и сами являются нормативным выражением мировоззренческих идей. Оговоримся, что положения Конституции не являются принципами уголовного процесса, если только не представляют собой нормативное выражение идеи более высокого уровня, чем субъективное право. К числу идей такого уровня относятся, например, идея о презумпции невиновности, равенстве всех перед законом и судом¹, охране достоинства личности. Причина мёртвых норм-принципов всё же не только в выхолащивании процессуальных гарантий из большинства процессуальных производств и недостаточном уровне общности заложенных в них идей. Некоторые особенности производства по ряду уголовных дел (о преступлениях в отношении предпринимателей, совершивших преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; в отношении отдельных категорий лиц), напротив, усложняют процессуальные процедуры, однако также не способствуют правильному познанию, находятся на грани привилегии по признаку профессиональной деятельности и входят в противоречие с принципом равенства всех перед законом и судом (заметим, что этот принцип в УПК не формулируется, хотя Конституционный Суд Российской Федерации в приведённой правовой позиции и допускает «исключение» из него, а значит предполагает его наличие).

Прежде всего, настораживает, что ни законодатель, ни правоприменитель не считают роль принципов сколь-либо значимой и прежде всего потому, что они приобрели статус ординарных регулятивных норм. Отступление от принципов уголовного процесса уже вполне допускается и в теории. К сожалению, спорить уже приходится не с тем, что особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением – «презумпция виновности», а с тем, что это считается вполне нормальным [10, с. 51]. Конфликт принципов с порядком производства достиг такой остроты, что от крупных процессуалистов исходят почти отчаянные призывы исключить из УПК все виды сокращённых и ускоренных

¹ Конституционный Суд Рос. Федерации, допустив исключения из принципа равенства всех перед законом и судом, лишил эту идею статуса принципа уголовного судопроизводства. Возник вопрос и о соответствии решения Конституционного Суда идее справедливости: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 7 марта 1996 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Закона Рос. Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Р. И. Мухаметшина и А.В. Барабаша» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 14, ст. 1549; Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 17 января 2012 г. № 175-О-О «По жалобе гражданина Макаева Хамеда Халидовича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 статьи 16 Закона Рос. Федерации «О статусе судей в Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

производств, а равно и особенности производства в отношении отдельных категорий лиц [11, с. 216].

Однако набирает обороты и другой взгляд, прокладываемый с целью обоснования неизбежности разрыва принципов с уголовно-процессуальными процедурами: возрождение бинарного подхода к принципам уголовного процесса. Суть его – из принципов должны быть исключения [9, с. 14]. Признавая, что такой взгляд имеет право на существование, особенно в питательной среде хаотичной правки УПК, согласиться с ним едва ли возможно. Сама вероятность такого понимания роли принципов берёт корни в проблемах закона, который предусматривает правила и процедуры, не укладывающиеся в принципы судопроизводства. Бинарный взгляд не только способ объяснения и оправдания нормативной эклектики. Он развязывает законодателю руки, предоставляя неограниченные возможности произвольно определять объёмы исключений из правил, которые ставят под сомнение сами правила, а нередко их просто растворяют. Расхожая формула о том, что исключение лишь подтверждает правило, всего лишь оборот речи, никакого отношения к действительности не имеющий. Основная задача сегодня – вернуть принципам уголовного судопроизводства их должный статус. Принципы должны стать основополагающими идеями, с которыми коррелируются все процессуальные процедуры и все вносимые в УПК изменения. Согласимся, что сложно соотносить содержание УПК с регулятивными нормами, которыми являются сейчас принципы. Вот и переписывается УПК без оглядки на содержание его гл. 2 УПК. Стать уважаемым законом УПК сможет, только если его требования будут ясными, идейными, непротиворечивыми. Однако и этого недостаточно. Внешней респектабельности принципов уголовного судопроизводства сегодня уже недостаточно. Напомним, что и Устав уголовного судопроизводства 1864 года, заложивший основы современных принципов судопроизводства, в своё время нёс западные (хотя и смешанные) идеи, потому прямому указанию на традиционные отечественные духовно-нравственные ценности должного места не нашлось и в нём. Сегодня в условиях гибридной войны, которая ведётся против России, система принципов, заложенная в гл. 2 УПК, уже не удовлетворяет условиям обстановки, «чужда той сфере, в которой она призвана упорядочивать отношения и разрешать возможные противоречия» [12, с. 29].

Обратим внимание, что в настоящее время остро стоит вопрос о сохранении укрепления традиционных основ духовно-нравственных ценностей в Российской Федерации. В соответствующем документе стратегического планирования¹ вопрос о насыщении уголовного судопроизводства ими прямо не ставится. Между тем в этом документе подчёркивается, что в работе по сохранению и укреплению этих ценностей принимают участие федеральные органы исполнительной власти, ведающие вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, общественной безопасности, и иные органы публичной власти в пределах своих полномочий. Недостаточное противодействие идеологическому и психологическому воздействию на граждан ведёт к насаждению чуждой для россиян системы идей и ценностей (эгоизм, вседозволенность, безнравственность, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству и др.). За этим следует в том числе подрыв доверия к институтам государственной власти, а значит и власти в целом. Важной задачей этим документом определяется совершенствование деятельности правоохранительных органов по профилактике и пресечению противоправных действий, направленных на распространение деструктивной идеологии.

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс]: указ Президента Рос. Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Где как не в сфере уголовного судопроизводства прежде всего формируются убеждения человека в эффективности государственных механизмов защиты его интересов, в каком бы качестве человек не оказался в орбите судопроизводства? Уголовный процесс публичен двуаспектно: 1) обеспечивает правильное установление обстоятельств по уголовному делу; 2) предоставляет достаточно гарантий невластному субъекту правоотношений для защиты своих законных интересов и прав.

Где же, как не здесь, в первую очередь следует проводить традиционные отечественные духовно-нравственные ценности? Конечно, через цели, и задачи, и принципы судопроизводства.

Представляется, что система принципов уголовного судопроизводства должна включать идеи прежде всего нравственного характера, пусть даже и имеющие правовое закрепление. Это должны быть концептуальные идеи, регулирующие последствиям которых есть место в соответствующих правовых институтах (процессуальный статус участников процесса, производство конкретных процессуальных действий, правила принятия конкретных процессуальных решений и др.). При этом нравственные идеи-принципы не должны и не могут иметь никаких исключений.

В системе принципов уголовного судопроизводства следует найти место положению о справедливости (нашлось же ему место в уголовном законодательстве), гуманизме (но только как обеспечение безопасности любого человека), совести (как требование к должностным лицам руководствоваться не только законом, но и совестью в ходе всего уголовного судопроизводства), служения народу (народ – единственный источник власти в стране); честности и беспристрастности; всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств по уголовному делу; обеспечения необходимых условий для правильного установления обстоятельств по уголовному делу (требование как к законодателю, так и к правоприменителю). Конечно, в числе принципов должны остаться такие, как презумпция невиновности, свобода оценки доказательств, законность (с учётом совести), осуществление правосудия только судом, независимость судей и иных должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, уважение чести и достоинства личности, возможно, и некоторые другие. Все положения, имеющие регулятивное значение, дублирующие права человека или предполагающие исключения, критериям принципа не соответствуют.

Ещё одно важное предложение. Учитывая, что законодатель утратил должное уважительное отношение к принципам уголовного судопроизводства, все законопроекты о внесении изменений в УПК должны проходить экспертизу на соответствие принципам процесса. Сами же принципы как своеобразную «конституцию» уголовного процесса следует защитить от легковесных решений об их отмене или изменении. Мало того, система принципов требует дополнительных гарантий стабильности и защищённости от необоснованных дополнений идеями, не достигающих необходимого уровня концептуальности или противоречащих иным принципам, составляющим систему. С принципами непозволительно небрежное обращение. Стабильность принципов определяет стабильность содержания закона, его логику, идейное единство. Юридическая сила принципов должна превышать юридическую силу иных норм уголовно-процессуального закона [13, с. 157], а порядок внесения изменений в главу УПК «Принципы уголовного судопроизводства» следовало бы усложнить, что, хотя бы в какой-то мере, позволит обеспечить стабильность принципов. Ображиев К. В. применительно к уголовному законодательству предлагает предусмотреть в УК, что уголовное законодательство России и практика его применения не должны противоречить принципам уголовного права, предусмотренным УК, а если таковые имеются, то они не подлежат применению [13, с. 159].

Предложение здоровое и для уголовно-процессуального законодательства также применимо.

Итак, принципы уголовного судопроизводства соответствуют своему статусу только при условии, что являются концептуальными идеями, основанными на духовных ценностях, определяют содержание всего уголовно-процессуального права, соответствуют социальному назначению уголовного судопроизводства, сформулированы в доступной для обычного человека форме, защищены особой процедурой от поспешных изменений системы и содержания, ориентируют законодателя в его деятельности по совершенствованию УПК, а для правоприменителя являются основой применения процессуальной аналогии.

1. Агутин А. В., Трошкин Е. З., Губжоков Р. Х. Организационно-правовой механизм реализации концепции «должной правовой процедуры» и нравственные основы уголовно-процессуальной деятельности в отечественном уголовном судопроизводстве». М.: Юрлитинформ, 2016. 240 с.
2. Победкин А. В. Критерии правомерности применения аналогии в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 66–77.
3. Барабаш А. С., Брестер А. А. Метод российского уголовного процесса. СПб.: Издательство «Юридический центр-Пресс», 2013. 215 с.
4. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. М.: Юрист, 2003. 797 с.
5. Победкин А. В. Основные положения УПК России как система гарантий публичности уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2024. 327 с.
6. Масленникова Л. Н. К вопросу об укреплении верховенства государственной власти в уголовном судопроизводстве // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. 2024. № 1. С. 81–89.
7. Баев М. О., Баев О. Я. Заметки об очередных изменениях УПК РФ (о новеллах Федерального закона от 4 марта 2013 г.) // Судебная власть и уголовный процесс. 2013. № 2. С. 41–49.
8. Томин В. Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт, 2009. 376 с.
9. Безруков С. С. Принципы уголовного судопроизводства: дис. ...д-ра юрид. наук. М.: ВНИИ МВД России, 2016. 343 с.
10. Минимурзина О. Н. Процессуальная и гносеологическая сущность судебного следствия по уголовному делу // Библиотека криминалиста. 2016. № 5(28). С. 49–54.
11. Зарипов Ф. Ф., Зинатуллин З. З. Думы о современном состоянии российской уголовно-процессуальной политики // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2. С. 210–216.
12. Агутин А. В., Агутина Н. В. Теоретические и нравственные основания принципов в современном отечественном уголовном судопроизводстве. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2009. 184 с.
13. Ображиев К. В. Принципы уголовного права: перспективы развития // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 2. С. 153–159.

1. Agutin A. V., Troshkin E. Z., Gubzhokov R. X Organizacionno-pravovoj mexanizm realizacii koncepcii «dolzhnoj pravovoj procedury» i npravstvenny`e osnovy` ugovolno-

- processual`noj deyatel`nosti v otechestvennom ugolovnom sudoproizvodstve». M.: Yurlitinform, 2016. 240 s.
2. Pobedkin A. V. Kriterii pravomernosti primeneniya analogii v ugolovnom sudoproizvodstve // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2020. № 4 (56). S. 66–77.
 3. Barabash A. S., Brester A. A. Metod rossijskogo ugolovnogo processa. SPb.: Izdatel`stvo «Yuridicheskij centr-Press», 2013. 215 s.
 4. Ugolovno-processual`noe pravo Rossijskoj Federacii: uchebnik / otv. red. P. A. Lupinskaya. M.: Yurist, 2003. 797 s.
 5. Pobedkin A. V. Osnovny`e polozheniya UPK Rossii kak sistema garantij pub-lichnosti ugolovnogo sudoproizvodstva. M.: Yurlitinform, 2024. 327 s.
 6. Maslennikova L. N. K voprosu ob ukreplenii verhovenstva gosudarstvennoj vlasti v ugolovnom sudoproizvodstve // Vestnik universiteta imeni O. E. Kutafina. 2024. № 1. S. 81–89.
 7. Baev M. O., Baev O. Ya. Zametki ob ocheredny`x izmeneniyax UPK RF (o novellax Federal`nogo zakona ot 4 marta 2013 g.) // Sudebnaya vlast` i ugolovny`j process. 2013. № 2. S. 41–49.
 8. Tomin V. T. Ugolovny`j process: aktual`ny`e problemy` teorii i praktiki. M.: Yurajt, 2009. 376 s.
 9. Bezrukov S. S. Principy` ugolovnogo sudoproizvodstva: dis. ...dokt. jurid. nauk. M.: VNI MVD Rossii, 2016. 343 s.
 10. Minimurzina O. N. Processual`naya i gnoseologicheskaya sushhnost` sudebno-go sledstviya po ugolovnomu delu // Biblioteka kriminalista. 2016. № 5(28). S. 49–54.
 11. Zaripov F. F., Zinatullin Z. Z. Dumy` o sovremennom sostoyanii rossijskoj ugolovno-processual`noj politiki // Sudebnaya vlast` i ugolovny`j process. 2016. № 2. S. 210–216.
 12. Agutin A. V., Agutina N. V. Teoreticheskie i нравstvenny`e osnovaniya principov v sovremennom otechestvennom ugolovnom sudoproizvodstve. M.: Izd-vo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, 2009. 184 s.
 13. Obrazhiev K. V. Principy` ugolovnogo prava: perspektivy` razvitiya // Vestnik Akademii General`noj prokuratury` Rossijskoj Federacii. 2017. № 2. S. 153–159.

Информация об авторах

Александр Викторович Победкин. Начальник кафедры уголовной политики, доктор юридических наук, профессор.

Академия управления МВД России.

125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

Василий Николаевич Яшин. Заведующий кафедрой уголовного права и процесса, кандидат юридических наук, доцент.

Тульский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

300026, Россия, г. Тула, пр. Красноармейский, 104.

Information about the authors

Alexander V. Pobedkin. Head of the Department of Criminal Policy. Doctor of Law, Professor.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

125993, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh Str., 8.

Vasily N. Yashin. Head of the Department of Criminal Law and Procedure. Candidate of Law, Associate Professor.

Tula Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

300026, Russia, Tula, Krasnoarmeyskiy Ave., 104.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 27.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.

The article was received in the editorial office on 10.04.2025; approved after review on 27.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.